

Глава II

В предыдущей главе говорилось о влиянии Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем на восприятие внешнего облика вещей и на вызываемые ими ощущения, а также на соответствующую часть Души — Нефеш.

Теперь мы обратимся к стихии Воздуха — к комплексу способностей, в совокупности именуемому «Руах», то есть к разуму, под которым мы будем понимать инструмент интеллектуального постижения, механизм, предназначенный для анализа впечатлений и истолкования их в терминах, доступных сознанию. Работа по достижению Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем ведется в Тиферет — средоточии Руаха, а потому успешное ее завершение влечет за собой гармонизацию, сосредоточение и возвеличение мешанины неорганизованных идей, порожденных бессмысленным многообразием интеллектуальных представлений.

1. Под своды лазуритовой горы взошел я, как пролетает меж столпами бирюзы зеленый сокол, восседающий на престоле Востока.

1. Божественное Сознание (Сокол), окрашенное в цвет любви (зеленый), восходит в мир звездного пространства (лазурита, синего камня, испещренного золотыми блестками) по уравновешенному пути, ведущему от земли до неба (меж столпами бирюзы). Восток — это сторона света, соответствующая Воздуху, и здесь Сокол «восседает», то есть находится в устойчивом положении и не отвлекается ни на какие мысли, приходящие на ум.

2. Так я пришел в Дуант, обитель звезд, и услышал громкие речи.

2. Теперь, открывшись для всей Вселенной, Душа слышит каждое произнесенное слово. (Воздух — проводник звука.)

3. О Ты, восседающий на Земле! (обратилась ко мне Та, что покрыта Завесой) ты не больше матери твоей! Ты — ничтожная частица праха! Ты — Владыка Славы, и ты же — нечистый пес.

«Та, что покрыта Завесой» (Исида) указывает, что ни одно индивидуальное сознание не может быть больше той сферы, которая породила его и остается средой его существования. Оно и величественно, и низменно в равной мере, ибо эти качества суть иллюзии, порожденные искусственными отношениями, — иллюзии, среди которых мы можем выбирать по собственной воле.

4. Я низвергся, сложив свои крылья, в обители темного великолепия. Там, в бездне, лишенной форм, был я причащен Извращенным Таинствам¹.

4. Чтобы осознать себя, Божество должно помимо собственной воли вкусить опыт несовершенства. Оно должно принять Причастие, которое свяжет его с темным очарованием «Зла», — противоположность и дополнение того Причастия, что возвышает «Грешника» до Божества.

¹ Ср. «Халдейские оракулы», §145: «Смотри, не ввергнись в мир темного великолепия, где вероломная Глубь и облаками сокрытый Гадес, услаждающий взор свой непостижимыми образами, где коварная Бездна черных, вечно вращающихся вихрей вечно объемлет тело, лишенное света и формы, пустое»; это изречение используется в ритуале 31-го пути (пути Шин), входящем в церемонию посвящения Практика Золотой Зари. — *Примеч. перев.*

5. Я страдал в беспощадных объятьях Змея и Козерога; я воздавал преисподние почести позору Хема.

Оно приемлет формулы:

а) двойственности (т.е. жизни как колебательного процесса), подразумевающей 1) смерть; 2) иллюзию Знания;

б) изгнания, подразумевающего: 1) голод Вождения; 2) тяжкий труд.

Оно претерпевает позор Бога, заключенного в звериное обличье.

6. И в силу того Единое стало Всем Сущим.

6. Смысл этого деяния — в том, чтобы выявить возможности своего единства, представив его целостность в виде бесконечного множества частных случаев, как если бы мы решили изучить все имеющиеся в нашем распоряжении стихи, чтобы понять, что такое «поэзия». Любое отдельное взятое стихотворение служит лишь одной несовершенной иллюстрацией к данному абстрактному понятию; но постичь его смысл можно только через эти конкретные образы.

7. Сверх того, явилось мне видение реки. И плыл по ней челнок, и нес под пурпурными парусами золотую женщину, образ Аси², изваянный из чистого золота. И река текла кровью, а челнок был из сияющей стали. И полюбил я ту женщину; и, распустив свой пояс, бросился в поток.

7. Эта река — поток мыслей. Челнок — сознание. Пурпурные паруса — страсти, определяющие ход его движения, а женщина — чистый Идеал, который мы ищем, дабы обрести предмет, постоянно занимающий наши мысли, и принцип, руководящий нашей сознательной жизнью. Но эта «женщина» — всего лишь безжизненный кумир, хоть и изваянный из золота.

Река течет кровью; это означает, что потоку мыслей необходимо отождествиться с родственным нам объектом, а не с каким-либо произвольно взятым предметом, отражающим все случайные впечатления.

Челнок из стали означает, что сознание должно уметь сопротивляться натиску любых нежелательных мыслей.

Возлюбив этот Идеал, Соискатель освобождается от всего, что его стесняло (от стыдливости, себялюбия и т.д., — «распускает свой пояс»), и теряет свое эго, всецело погрузившись в саму Мысль («бросился в поток»).

8. Я вошел в челнок и любил ее много дней и ночей, воскуря ей прекрасные благоволия.

8. Он отождествляется с чистым сознанием, которое не подвержено влиянию Мыслей, хотя и движется вместе с их потоком. Он предается этому Идеалу со всем пылом поэта и верующего.

9. Да! я уделял ей от цветка моей юности.

9. Он посвящает этому Идеалу свою творческую энергию.

10. Но не пробудилась она; поцелуи мои лишь осквернили ее, и почернела она предо мною.

² Аси — древняя палестинская богиня неба.

10. В результате Идеал лишается своей поверхностной красоты и теряет чистоту от соприкосновения со смертным началом.

11. Но я по-прежнему поклонялся ей и уделял ей от цветка моей юности.

11. Несмотря на разочарование, Соискатель не отступает от «любви в согласии с волей». Он всецело предается Истине даже теперь, когда она кажется столь мрачной и устрашающей.

12. И поразил ее недуг, и пятнами тления покрылась она предо мною. Я едва не бросился в реку.

12. Идеал распадается и принимает отвратительные формы, в которых уже невозможно узнать предмет былой любви. Соискатель испытывает соблазн бросить его и отвлечься от Осознания происходящего, «утопившись» в реке посторонних мыслей.

13. Но затем, в назначенный срок, стало тело ее белее звездного млека, а уста — алы и теплы, как закатное солнце, и самая жизнь ее налилась белым жаром, как солнце полудня.

13. Но внезапно отчаяние отступает. Идеал предстает в своем истинном облике — как живая женщина, а не мертвый золотой кумир. Плоть ее чище звездного света; ее уста — орудие речи и ласки — полны жизни и теплы, как закатное солнце, т.е. сулят отдохновение, любовь и красоту (Хатхор — богиня Запада). Ее оживляет чистая энергия средоточия той системы, к которой принадлежит Соискатель; т.е., она воплощает в себе творческую идею во всей полноте (Соискатель же до сих пор оставался всего лишь частью этой идеи).

14. И восстала она из бездны Векового Сна, и заключила меня в объятия. Весь без остатка я растаял в ее красоте и был счастлив.

14. Когда Идеал овладевает Соискателем, тьма прошлого рассеивается, и Эго его растворяется в экстазе единения с Нею; он превращается в самую суть Радости.

15. Река же стала рекою Амриты, и челнок наш — колесницею плоти, и паруса его — кровью сердца, что несла меня, несла меня вдаль.

15. Теперь сами его мысли стали бессмертными; сознание осмыслилось как носитель его физической жизни (а вовсе не наоборот, как полагают непосвященные); его страсти перестали свидетельствовать о неудовлетворенности — они отождествились с его индивидуальной жизнью. Нет более никакого противоречия с Природой. Сама по себе Воля и есть «Я».

16. О, звездная женщина-змея! Я, я сам Тебя создал по бледному подобию, златому изваянию.

16. Мое личное представление о Нут — результат Магической Операции, проведенной мною, дабы наделить жизнью тот самый идеал, который я изначально хранил в своем сердце, почитал и намеревался воплотить в жизнь.

Весь эпизод в целом описывает процесс обработки любой данной идеи и доведения ее до совершенства.

17. И снизошел на меня Святой, и узрел я белого лебедя, парящего в синеве.

17—26. «Лебедь» — это охваченное экстазом Сознание Адепта. Оно парит в беспредельном пространстве, и опорой ему служит Воздух (то есть среда, в которой обитает мысль).

18. Я восседал между крыльев его, и так миновали эоны.

18. В состоянии Экстаза мы теряем счет времени.

19. И лебедь летел, то камнем падая вниз, то взмывая; но двигались мы без цели.

Экстаз переходит от одной вершины Радости к другой; но в совершенстве не может быть никакого прогресса, поэтому подобные перемещения остаются бесцельными.

20. Полоумный мальчишка, сидевший рядом со мною, спросил у лебедя:

20. Этот «мальчишка» — человеческий разум, который нуждается в системе мер как первейшем условии, обеспечивающем ясность сознания. Он осознает течение времени и не может понять, почему лебедь нисколько не приблизился к некой фиксированной точке, хотя постоянно двигался, и почему того ничуть не беспокоит соотношение между точкой отбытия и его нынешним местонахождением. Идея движения, не соотносящегося с некими неподвижными осями координат, для него непостижима.

21. «Кто ты, и почему ты паришь, и летишь, и падаешь вниз, и взмываешь ввысь в пустоте? Посмотри, сколько эонов минуло! откуда пришел ты? Куда ты идешь?»

22. Я, рассмеявшись, ответил ему с укором: «Ниоткуда! Никуда!»

22. Я ответил, что в континууме как таковом (Нут) не существует никаких «знаков разделения».

23. Тогда спросил он (ибо лебедь хранил молчание): «В чем же смысл этого вечного странствия, если цели нет?»

23. Лебедь, разумеется, хранит молчание: Экстаз превосходит все средства выражения. Разум вопрошает: что же вынуждает нас двигаться в отсутствие всякой цели?

24. И прильнул я головою к Голове Лебедя и ответил, смеясь: «Не радость ли неизреченная — в этом бесцельном полете? Не усталость ли с нетерпением — для тех, кто стремится к цели?»

24. Адепт доводит эту мысль до экстатического переживания; он смеется и просто от чистой радости, и, в то же время, над нелепостью «рациональных» аргументов, от которых он уже освободился навсегда. Свою идею он выражает следующим образом: свободное применение своих способностей есть чистая радость; но

если я чувствую потребность достичь с их помощью некой цели, то это влечет за собой муки желаний, тяготы напряжения сил и страх потерпеть неудачу.

25. Лебедь же по-прежнему молчал. Но — ах! мы парили в Бездне без границ. Радость! Радость! О белый лебедь, на крыльях своих вечно носи меня ввысь!

25. Ничто не нарушает экстаза. Но в результате этого диалога Адепт глубже осознаёт свое блаженное состояние, так что Экстаз замирает в неподвижности, достигнув идеального соотношения с Бесконечностью континуума.

Адепт требует, чтобы этот Экстаз продолжался непрерывно.

26. О, безмолвие! О, восторг! О, конец всего зримого и незримого! Всё это — мое, а меня Нет.

Безмолвие — конец несовершенства, заложенного во всякой речи: любое слово — свидетельство двойственности, то есть некоего отступления от Совершенства.

Восторг — конец противоречию между любыми двумя данными объектами: они растворяются в Любви; до сих пор чувство Эго порождало в них мучительное ощущение отделенности от Всего Сущего и, следовательно, собственного несовершенства; когда же чувство «я» исчезает, освобождение от этого гнета переживается как упоение и восторг.

«О, конец всего зримого и незримого!». Смысл этого не только в том, что все сущее — будучи несовершенным — уничтожается, но и в том, что именно такова их истинная цель, их телос³, их совершенство.

«Всё это — мое, а меня Нет» Теперь Адепт обладает всем сущим, ибо он достиг так называемого состояния «Нет». Это состояние объемлет собою все вещи, и все они — лишь его отражения.

До тех пор, пока Адепт отождествлялся с неким определенным «я», он оставался всего лишь одной из таких «вещей» и противопоставлялся им; они ему не принадлежали. Чтобы овладеть ими, он должен превратиться в тот самый континуум, где все вещи существуют теоретически — как потенциальные члены любого из объектных рядов, который может избран для демонстрации любых заданных качеств этого континуума.

27. О, Бог лучезарный! Дай изваять мне Твой образ из самоцветов и злата! дабы люди повергли его и втоптали во прах! Дабы слава Твоя среди них стала зримой.

27. Адепт стремится явить миру средствами поэзии то Божество, которое он узрел. Он предвидит, что разъяренные невежды заклеят его книги презрением и будут топтать их ногами; но сами эти действия откроют им глаза на славу Божества. Это может означать, что моя работа пробудит истинный религиозный пыл в тех, кто утратил всякую веру и перспективу: вызванная мною ярость приведет их к открытию глубинного врожденного чувства, что они — духовные существа.

28. И пусть не говорят на площадях, что пришел я, кому прийти надлежало; но лишь о Твоем пришествии да разносится слово.

28. Моя религиозная деятельность не приведет к признанию меня Спасителем, но люди осознают, что Дух Солнечного Бога Хора повеял на них и напитал жизнью их бренную плоть.

³ «Цель» (др.-греч.). — Примеч. перев.

29. Ты будешь являть Себя в неявном; в потаенных местах будут встречать тебя люди, и Ты одолеешь их.

29. Хор будет признан как объяснение всех тех энергий Вселенной, которые несомненно существуют, хотя и недоступны нашим чувствам. Люди будут сталкиваться с Хором, исследуя тайны Природы — например, человеческое подсознание или строение атома. Он вынудит их признать вопреки всем старым гипотезам, что именно Он и есть первопринцип, лежащий в основе всех проявлений.

(Точный смысл слова «Хор» в этом фрагменте раскроется при обращении к главе III «Liber CCXX» [«Книги Закона»].)

30. Увидел я отрока, бледного и печального, простертого на мраморе в солнечном блеске и льющего слезы. Позабытая лютня лежала рядом. Ах!.. и все же он плакал.

30—36. Отрок — Ганимед; орел — птица Юпитера. Здесь в этом образе представлен Адепт.

30. Он бледен, ибо кровь свою он отдал своей Работе.

Он печален, ибо постиг Скорбь Вселенной (осознать которую его вынудила сама его Работа.)

Он лежит, ибо утомился и поддался сомнениям: стоит ли его Работа затраченных усилий?

Он распростерт на мраморе; это означает, что грубые голые факты действительности, пусть и отполированные, все же причиняют ему боль.

Солнце сияет над ним; он прозревает Суть чересчур ясно. Его Ангел озаряет его сиянием свыше, но остается на недостижимой высоте.

Он плачет; он, призванный лить вино в чаши Богов, проливает лишь соленую воду из глаз на голую землю.

Он отложил и даже позабыл свою лютню. Он не может создавать музыку; он утратил даже память о том, что когда-то, давным-давно, был на это способен.

31. И слетел из сияющей бездны орел и накрыл его тенью. Так черна была тень, что отрок исчез из виду.

31. Орел символизирует влияние Отца Богов, а также наивысшую форму Магической Жизни и Власть над Воздухом, т.е. способность управлять миром мыслей. Все это затмевает Адепта, скрывая из виду его личность.

32. Но живой голос лютни долетел до меня сквозь недвижную воздушную синь.

Вдохновившись этим, Адепт радостно возвращается к своей музыке; самый воздух замирает в неподвижности (то есть, Адепта не тревожат никакие мысли) и окрашивается синевой (то есть преисполняется духом святости, любви и чистоты).

33. Ах! посланник Возлюбленного, прости Свою тень надо мною!

Адепт взывает к Слову своего Ангела, дабы оно заглушило все личные мысли.

34. Имя твое, может быть, Смерть, быть может — Позор иль Любовь. Но ты несешь мне весть от Возлюбленного; не спрошу я имени твоего.

Он готов принять то, о чем просит, в любой форме: и в виде самой смерти — если иначе никак невозможно отделаться от назойливого Эго; и в виде Бесчестия — если оно устыдит Эго и отвертит его от самоутверждения; и в образе Любви — если та истребит эгоистические побуждения.

35. «Куда подевался Мастер? — кричат полоумные мальчишки. — Он умер! Он опозорен! Он женился!» Насмешки их разнесутся по всей земле.

35. В подобном случае «рациональные» предрассудки Адепта, по-видимому, спросят его: «А как же твои магические устремления? Ты вовсе не Мастер, каким хотел стать, — ты попросту раб этого своего Ангела (что бы ты там ни подразумевал под этим словом): твоя личность задавлена, твои честолюбивые планы рухнули; единственное твоё занятие — повторять, как попугай, его реплики, которые ты, вдобавок, даже не одобряешь».

«Ты разрушил свое “Я”; даже твои друзья бранят и поносят тебя, и вполне заслуженно; ты бросил карьеру и предался во власть женских капризов».

36. Но Мастер получит свою награду. От хохота насмешников взволнуются власы Возлюбленного.

36. Адепт допускает, что его тело и разум, брошенные на произвол судьбы, действительно подверглись всем эти несчастьям. Но близость с Ангелом, ради которой он сознательно оставил всякую заботу о личных делах, оправдывает его поведение. Упреки со стороны интеллектуальных установок отнюдь не заставляют его «одуматься», но служат все той же цели, которую он поставил перед собой: от них «взволнуются власы Возлюбленного» — лучи энергии, исходящей от личности Ангела; иначе говоря, привлекут внимание Адепта к одной из Его Красот.

37. Се! Бездна Великой Глуби. В ней могучий дельфин встречает боками удары неистовых волн.

38. И в ней золотой арфист играет бесконечные песни.

39. Дельфин, восхитившись ими, сбросил тело свое и стал птицей.

40. Арфист отложил свою арфу и стал играть бесконечные песни на флейте Пана.

41. И, возжелав такого блаженства превыше всего, птица отринула крылья и стала фавном лесным.

42. Арфист отложил флейту Пана и человеческим голосом принялся петь свои бесконечные песни.

43. И очарованный фавн пошел за ним вдаль; и умолк арфист наконец, и фавн обернулся Паном в самом сердце первозданного Вечного леса.

44. Но дельфина не очаруешь безмолвием, о мой пророк!

* * *

37—44. Этот эпизод — притча, имеющая несколько приложений.

1) В ней описан способ последовательного Сосредоточения при помощи «Ступеней Лестницы» (см. «Книгу Алеф»⁴).

2) В ней поясняется, как надлежит обращаться с людьми, которых желаешь посвятить.

⁴ Главы 177—183. — Примеч. перев.

3) В ней рассказывается, как по собственной Воле переходить от одного состояния ума к другому.

Основная идея всех трех методов такова, что каждую наличествующую болезнь следует лечить теми средствами, которые уместны в данном случае, а не каким-то идеальным и совершенным лекарством от всего на свете.

Первоматерию надлежит проводить ступень за ступенью по всем этапам процесса; она не превратится в Совершенную Тинктуру, если совершить над нею только одну Последнюю Проекцию.

4) В ней описывается вся последовательность Посвящения.

Эти четыре смысла нуждаются в подробном истолковании, стих за стихом.

О сосредоточении

37. Бездна — это Ум; Дельфин — мятущееся Сознание.

38. Арфист — учитель, восхваляющий Путь Мудрецов и тем самым побуждающий непосвященного устремиться к посвящению; он — Гуру, который успокаивает ум гармоничными звуками, вместо того чтобы терзаться размышлениями о его муках и страстях. Эти звуки производятся механическими средствами; они символизируют такие практики, как асана и т.п.

39—40. Освободившись от грубости и неистовства, сознание устремляется к возвышенным идеалам. Но оно по-прежнему не находит покоя и пока еще не слишком понятно. Его воспитывают звуками, выражающими гармонию жизни: звуками тростника, вдохновляемого дыханием, а не металла, приводимого в движение мускульной силой. Это соответствует пранаяме, а также осознанию того, что вдохновение само по себе довольно прихотливо: чтобы достичь гармонии, оно должно овладеть искусством правильно использовать каждый вздох.

41. Сознание обретает божественную и человеческую полноту. Фавн символизирует твердое устремление, творческую силу и человеческий разум. Крылья тоски по идеалу отброшены; мысль признаёт свою истинную природу и отныне стремится только к дальнейшему совершенствованию.

42. Теперь сознание внемлет гармонии Вселенной, выражением которой служит человеческий голос, то есть членораздельные и внятные звуки, каждый из которых не только улаживает чувства, но и взывает к душе. Это соответствует той стадии сосредоточения, на которой человек, медитирующий на избранный объект, переходит от восприятия его поверхностных аспектов к поискам его истинной сущности, истинного смысла его связи с наблюдателем.

43. Достигнута последняя стадия. Стало понятно, что все возможные утверждения суть ошибки с точки зрения Отрицания. Воцаряется Безмолвие. И фавн становится Всем Сущим. Он покидает ограниченный лес вторичных идей, в котором некогда жил, и следует за очаровавшим его Словом. И вот он — в мире Идей, по природе своей простых (первозданных) и не подчиняющихся таким условностям, как Время. (Соответствующий образ — дерево, ибо оно фаллично и покрыто ветвями.)

44. Практикуй начальную йогу, пока не обретишь совершенство; не пытайся достичь Нирваны, пока не поймешь, как это сделать.

О посвящении

37. Людьюми правят гордыня и прочие страсти.

38. Лучший способ достучаться до них — воспевать красоту, представленную в самом ярком и сверкающем одеянье.

39—40. Когда они научатся стремиться к высшему и очистятся от более низменных желаний, обучи их семи наукам.

41—42. Наставляй их до тех пор, пока не увидишь, что они действительно готовы к настоящему посвящению, и тогда открой им Истину.

43. Когда они ступят на Путь, замолчи; они придут к Достижению естественным образом.

44. Достоинства Безмолвия велики; но тот, кто поклялся помогать людям, должен обучать их, как сделать каждый Следующий Шаг.

О смене состояний ума

37. Дельфин символизирует любое состояние ума, которому сопутствуют тревога, недовольство и неспособность вырваться из окружающей среды.

38. Исцелись от этого размышлениями о том, что это — материал, из которого может родиться Красота: так Шекспир в свое время воспользовался недостатками Макбета, зоклечениями Тимона⁵ и так далее. Пусть твои невзгоды помогут тебе ощутить собственную жизнь как некую возвышенную драму.

39. В результате твои мысли приобретут лирическую окраску; но это не удовлетворит твоих нужд. Ты почувствуешь, что подобный образ мышления по своей природе неустойчив и преходящ.

40. Чтобы преобразить этот склад мышления, взгляни на него как на факт, играющий необходимую и важную роль в устройстве Вселенной.

41. Лирический восторг уступит место более глубокому постижению своей сущности и всего, что касается тебя как Представителя Природы, заключающего в собственном сознании элементы Божества и Зверя, которые в равной мере необходимы для Полноты и Целостности Вселенной. Внутренний дискомфорт, который ты некогда испытывал, теперь покажется приятным, ибо без этого опыта ты навсегда остался бы беднее.

42. Теперь истолкуй этот опыт как «особое обращение Бога к твоей душе»⁶. Найди ему внятное объяснение; заставь его выразиться в форме некой вести, доступной твоему пониманию.

43. Следуй за ходом этих размышлений, пока не достигнешь Исступленного Блаженства, которое придет с постижением того факта, что ты — и все остальные — суть экстатические проявления некоего высочайшего Духовного спазма, элементы некоего универсального Причастия, выражающегося во всех мыслимых формах. Истина, пусть даже сколь угодно великолепная, отныне утратит для тебя всякий смысл. Она принадлежит тому миру, который допускает различие между Субъектом и Предикатом, а, следовательно, несовершенен; ты же поднялся выше этого. Ты стал Паном, Всем Сущим; ты перестал быть только частью. Ты трепещешь от радости, которой проникнута страсть творения; ты становишься девственной богиней в угоду себе самому. И ты безумен, ибо здравый ум — это состояние, в котором соблюдается должное чувство меры и пропорции между вещами; ты же растворил все сущее в своем существе и охвачен экстазом превыше всяких мер.

44. Если тебя одолеет уныние, не пытайся утешать свою душу возвышенными идеями: они покажутся тебе нелепыми и лишь усугубят отчаяние.

⁵ Тимон — главный герой трагедии Шекспира «Тимон Афинский» (1608), возненавидевший весь род людской после того, как в трудный час друзья отказали ему в помощи. — Примеч. перев.

⁶ Ср. присягу Мастера Храма: «Я буду толковать каждое явление как особое обращение Бога к моей душе». — Примеч. перев.

О последовательности Посвящения

37. Дельфин — это непосвященный.

38—39. Осознав весь ужас своего положения и воодушевившись перспективами, которые сулит посвящение, он отрывается от прежней жизни и становится чистым Соискателем.

40. Он узнаёт, что Адепт — это не высшая степень того, что он считает своей благороднейшей частью, а весь Микрокосм.

41. Он завершает формирование своего «я» как образа и подобия Всего Сущего.

42—43. Затем он обретает понимание Всего Сущего и, наконец, становится Всем Сущим.

44. Непосвященный не может даже вообразить себе, что имеют в виду Мастера, работающие с теми, кто к ним приблизился.

* * *

45—49. В этом эпизоде описывается реакция Адепта на Экстаз. Главное здесь — то, что все попытки описать это состояние в словах тщетны.

45. И объяло адепта блаженство и то, что превыше блаженства; и вознесся он за пределы пределов всего, что имеет предел.

45. В таких чрезмерно восторженных выражениях он пытается охарактеризовать это Событие.

46. И сотряслось его тело, и пошатнулось под грузом такого блаженства, такого избытка, под бременем той запредельности неизреченной.

46. Физическое тело и его нервная система пытаются отреагировать должным образом на этот опыт, но он выходит за пределы их выносливости.

47. Люди кричали: «Он пьян!», «Он обезумел!», «Он страдает!», «Он умирает!». Но он их не слышал.

47. Сторонние наблюдатели (другие люди или рациональный ум самого Адепта) толкуют происходящее превратно.

48. О, мой Господь, мой возлюбленный! Как мне теперь слагать песни, когда даже память о тени славы Твоей превосходит всякую музыку слов и безмолвия?

48. Все это совершенно не поддается выражению.

49. Смотри! Я — зрелый муж. А ведь и малый ребенок не снес бы Тебя. И — о чудо!

Даже невинное дитя не выдержало бы столкновения с Ангелом. А взрослый мужчина, утвердившийся в своих представлениях об истине, испытывает чудовищное потрясение, когда все они рушатся, как происходит это при подобном опыте.

50. Я был один посреди огромного парка, и там, на пригорке, в кольце блестящей сочной травы, играли созданыя в зеленых одеждах, дивно прекрасные.

50—52. Парк — это мир аккуратно посаженных и тщательно взлелеянных Идей, наподобие тех, какими забавляются ученые и литераторы. Я отыскал в нем место, в котором мог бы возвыситься над другими (пригорок). Там было кольцо (моя поэзия), в котором играли эльфы (особенности моего характера, присущие мне выражения, мои ритмы и т.д.).

51. Играя с ними, вступил я в страну Волшебного Сна. Облачились в зеленое все мои мысли и были дивно прекрасны.

51. Играя таким образом, я вошел в состояние поэтического экстаза (Волшебный Сон). В нем я был счастлив.

52. Всю ночь напролет танцевали и пели они; но Ты — рассвет, о возлюбленный мой, мой змей, кольца Свои обвивший вокруг этого сердца!

52. Но все это совершалось в ночи; мое наивысшее поэтическое исступление — тьма в сравнении со светом Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем.

53. Я — сердце, Ты — змей. Теснее сомкни вокруг меня Свои кольца, чтобы ни свет, ни блаженство не проникали сквозь них!

53. Я — то женственное начало, которое принимает мужские объятия Священного Ангела-Хранителя. Я требую еще большей близости: даже свет и блаженство Экстаза отвлекают меня от Единения с ним.

54. Выжми кровь из меня, как из ягоды винограда на языке белоснежной дорьянки, нежащейся с любимым своим при свете луны.

54. Рядом с ним во мне не должно оставаться собственного света.

55. А затем — да воспрянет Завершенье! Долго ты спал, о великий бог Термин⁷! Много столетий прождал ты на рубеже города и дорог. Пробудись! Конец ожиданью!

«Завершенье» означает «Истинное Я». Термин — фаллический камень, стоящий между разумом (городом) и его мыслями (дорогами). Через Союз с Ангелом я надеюсь прийти к Истинному «Я» — неизменному и вечному творческому индивиду.

56. Нет, Господи! Это я пришел к Тебе. Это я наконец-то жду.

56. Достигнув Познания и Собеседования со Священным Ангелом-Хранителем (совершив, так сказать, мужское усилие), Адепт затем становится восприимчивым, женственным и терпеливым, полностью покоряя свою волю воле Ангела.

57. Пророк крикнул горе: «Иди сюда, я буду говорить с тобою!»

57—60. В равной мере бесполезно и призывать желаемое, и отправляться на его поиски. Поступать так — значит, объявлять о его отсутствии; тогда как в действительности оно все время с нами; надо только искоренить в себе нетерпение.

⁷ Термин (Терминус) — древнеримский бог границ и межевых камней. — Примеч. перев.

58. Гора не сдвинулась с места. Тогда пророк сам пошел к горе и говорил с нею. Но утомились ноги пророка, и горе его не услышала.

59. Я взывал к Тебе, и шел к Тебе, но всё вотще.

60. Я терпеливо ждал, но Ты был со мной от начала.

61. Теперь-то я это знаю, любимый мой; и мы возлежим среди лоз в покое и неге.

61. С осознанием этого факта все усилия прекращаются: остается только наслаждаться.

62. Но таковы уж пророки твои: как им не вопиать и не терзать себя бичами, как не переходить неторных пустынь и не переплывать океанов бескрайних? Ждать Тебя — завершенье, а не начало.

62. Но так уж устроен человек, что успокоиться на простом он не может. Чтобы научиться ждать, ему нужно пройти сквозь огонь, воду и медные трубы!

63. Пусть тьма покроет эти письмена! Пускай ступает писец своею дорогой.

63. Сознание писца, требовавшееся до сих пор для записи изречений той части его Сущности, которую мы называем «Адептом», и его Ангела, теперь освобождается и может вернуться к повседневным делам.

64. Мы же с тобой возлежим среди лоз в покое и неге; а он — да кто он такой?

64. Адепт и его Ангел по-прежнему покоятся в Экстазе; они отнюдь не исчезают, когда писец перестает воспринимать их. Напротив, это он кажется им не вполне реальным.

65. О, Возлюбленный мой! Неужто нет завершенья? Нет, завершенье есть. Пробудись! воспрянь, о гонец! препояши свои чресла! Разнеси это Слово по городам могучим, о да! по городам могучим.

Единение с Ангелом — не единственная цель Адепта. У пути его есть некое «завершенье», некое Предназначение, соответствующее его индивидуальности.

Поэтому Ангел побуждает его выйти из Транса Единения. Ему предстоит принять облик Гермеса (гонца — носителя Слова) и доставить вверенное ему Слово в «могучие города». Последнее может означать «величайшим умам человечества».

© Перевод: Анна Блейз, 2007

www.oto.ru